

Юнъинь, пристань Фэнчэн.

Переодевшись в одежду обычного мелкого торговца и, не привлекая внимания, добравшись до пристани Фэнчэн, Ле-эр специально огляделся, признавая, что поток людей на пристани, долгое время растянутый в гун[1], сейчас сократился. Раньше в это время у торговцев кипела работа, товар прибывал, отбывал, а сама пристань кишела людьми — яблоку негде было упасть. Когда случалась огромная загруженность, торговым судам, что пришвартовывались к берегу, даже приходилось в очередь становиться, чтобы пробиться к пристани. Сейчас же, в сравнении с былыми днями, поток сократился раз в сорок.

Телохранитель, конечно, понимал, как так вышло: когда Юн И вскрыл письмо, присланное Лэ Тингом, Ле-эр как раз лениво прислонился к мужчине и тоже заглянул в послание. Молодой виноторговец — Чао Ань — несправедливо попал в тюрьму, но по дороге на казнь он разразился уму непостижимыми проклятиями, вследствие чего его предали чудовищной казни, которая заставила стоящий в стороне народ дрожать от страха.

Кто его знает, что могло всплыть впоследствии, чтобы потом можно было сфабриковать дело и осудить невиновного? Потому все, кто обладал умом, нашли другой способ и больше не приплывали к пристани Фэнчэн.

Глядя на мимо проходящих, торопящихся путников, на лицах которых была заметна лёгкая тревога, Ле-эр прикрыл широкими полями шляпы красивое лицо и, не сдержавшись, самодовольно и лукаво улыбнулся. Впрямь как говорил господин министр: стоило государю уйти в тень, оставив Его Светлость в одиночестве, и князь Мин ухитрился повернуть восхитительно-блестящее дельце. Благодаря тому, что князь Мин — лихой человек, в конце концов удалось придумать такой «фокус».

Спасение мелкого торговца вином — Чао Аня — всё же пустяк, самое важное заключалось в том, что не понимающий подоплёки народ Юнъинь из-за этого ясно увидел истинное лицо наследного принца Юн Цюаня, который мало того, что оказался жестоким и бесчеловечным, так ещё нанёс серьёзный удар по материальному положению пристани Фэнчэн. Сейчас, когда Тайцань ушёл, невзирая на свои обязательства, вакансия управляющего чиновника пристани Фэнчэн больше не являлась «тёплым местечком», а новоизбранному служащему необходимо было приложить много усилий, чтобы успокоить как торговцев, так и народ, более того, сам чиновник даже своими коленями[2] догадывался, что Юн Цюань, определённо, из-за случившегося метал громы и молнии.

— Бамбуковая циновка! Новая бамбуковая циновка!

— Рисовые пирожные[3], продаются рисовые пирожные! Недорогие, вкусные, свежие!

— Фасолевый суп... — со всех сторон во всё горло кричали мелкие торговцы, которых на пристани с каждым днём становилось меньше, они были вынуждены так делать, поскольку хотелось заработать хоть какую-то монету, чтобы потом купить немного риса.

Вынув деньги, Ле-эр купил одно рисовое пирожное и, беззаботно прогуливаясь, откусывал кусочек за кусочком.

Наконец-то получив милостивое разрешение Юньинь, Юн И в скором времени должен был взять под своё правление Юэчжун, потому в тот же день спешно отправился в городок на границе Юньинь, дабы встретиться с Вэй Цюнян, Цянь Линем и остальными.

Ле-эр же один отправился в Тун, чтобы нагнать князя Мина, однако сейчас он остановился в Фэнчэн, дабы отдохнуть, а уже завтра на рассвете должен был сесть на корабль. Для телохранителя Его Светлости шанс в одиночку побродить по улицам и в тысячу лет не выпадал, даже сам Ле-эр не мог сказать, когда в последний раз удавалось просто выйти и прогуляться. Во всяком случае корабль, с управляющим которого был договор, прибывал только завтра, потому юноша смотрел на всякие безделушки, что находились у него на виду, и совершенно не хотел отправляться немедленно искать какую-нибудь гостиницу, наоборот, гуляя вдоль пристани, Ле-эр доел сладкое и мягкое рисовое пирожное и, уже было облизывая пальцы, неожиданно вспомнил, о чём недавно разговаривал с Юн И — пристань Фэнчэн славилась вином юцзы, потому, раз сегодня выдался шанс оказаться здесь, как можно было не попробовать столь ароматный напиток? По слухам, вино, оказавшись за стенами города, портится, так что, если хотелось испробовать его, нужно было лично приезжать сюда.

Подумав об этом, юноша свернул на дорогу, что вела напрямик к пристани. Однако стоило пройти буквально пару шагов, телохранитель Его Светлости заметил, как снующий перед глазами людской поток внезапно изменил направление, как будто всё заклокотало при виде его.

У каждого на лице отразилось волнение, и раздавались крики:

— Прибыл, прибыл!

— Начинаем торговать!

— Поторопитесь, опоздаете — ничего не купите потом!

В этот момент, задыхаясь, мимо Ле-эра пробежал торговец со взваленным на спину огромным узлом и чуть было не задел им нос телохранителя Его Светлости. Мужчина резко остановил торговца, дёрнув за ношу:

— Старший брат, что произошло? Куда так все торопитесь?

— Конечно же торопимся заработать! — «вероломно» остановленный торговец выглядел несдержанным, но, свирепо уставившись на скрывающееся под широкими полями соломенной шляпы прелестное лицо, невольно обомлел, вмиг став дружелюбным, и вымолвил, словно наливая бобовый суп: — Младший братец знать не знает, что там впереди расхватывают хорошие вещи. Недорого, всего семь монет за штуку — только что доставленный товар

раскупается мгновенно, и потом можно заработать в четыре-пять раз больше. В Фэнчэн не было ничего хорошего, но как нельзя кстати появилась неизвестно откуда эта необычная забава, и каждый торопится её купить. Каждый день вещи выносят, и их тотчас же раскупают[4]. Ой, мне тоже пора, а ты если хочешь — приходи. В общем, желаешь купить товар, немедленно разворачивайся и беги, куда стекается народ.

Оказалось, что этот поток являлся товарным, все торговцы, обгоняя друг друга, спешили купить, а затем продать свой товар. И это неудивительно: пристань Фэнчэн изначально была собирательно-распределительным местом, куда крупные торговцы перевозили навалочный груз[5], а мелкие торговцы — заказываемый товар, который потом местные перепродавали в отдельных городках. К тому же хороший и дешёвый товар, конечно же, каждый готов был отхватить себе.

Ле-эр к подобному не питал особого интереса и, равнодушно поджав губы, смотрел, как бежит, обливаясь потом, толстобрюхий торговец, которому вслед телохранитель Его Светлости необдуманно крикнул:

— Что за товар так хорошо продаётся, а?

Как-нибудь в другой раз, при встрече с князем Мином, не лишне будет позволить роду Сяо тоже устроить подобного рода торговлю.

На что торговец, не оборачиваясь, бросил:

— Князь Мин из Силэй.

— Что? — Ле-эр изменился в лице и, предполагая, что ослышался, во всё горло крикнул вслед:
— Что продаётся? Повтори?

Но зажатый впереди спешащим народом, которого становилось только больше, торговец будто не услышал вопроса. Телохранитель Его Светлости нахмурил брови, и, не найдя ничего лучше, крепко схватил мимо пробегающего человека и озлобленно спросил:

— Что за товар вы все так торопитесь купить? Говори!

Мужчина, будучи обычным торговцем, которого схватил странный незнакомец, уставился на молодого человека, чья внешность хоть и выглядела недурно, однако глаза горели злобой, а лицо приняло звериный облик, став свирепым, от подобного мужчина задрожал и готов был искренне ответить на все вопросы, что собственно и сделал:

— Я скажу, я скажу, этот товар — князь Мин из Силэй.

— Что значит «князь Мин из Силэй»? — голос подскочил на два тона, а пристально глядящие

глаза ещё больше округлились.

— Э-это... это...

— Что «это»? Говори!

— Это... это... Си... С-си...

Ле-эр закатил глаза, «пойманного» человека охватил страх, но, кто бы мог подумать, что он настолько сильно испугается, что начнёт заикаться. Не желая ждать, пока это кончится, телохранитель Его Светлости просто отпустил несчастного и, следуя за людским потоком, побежал туда, куда до этого советовал идти один из попавшихся торговцев.

Не обладая высоким ростом, как старший брат Жун Ху, Ле-эр мог похвастаться лишь ловкостью в ближнем бою, потому все эти обычные торговцы не могли ему противостоять и, подвергшись напору со стороны телохранителя, отскакивали в стороны, словно смытые водой, а вокруг самого юноши раздалось несколько вскриков «ай» да «ох», пока он протискивался вперёд сквозь толпу.

И вот, наконец-то добравшись до цели, Ле-эр увидел окружённый с двух сторон людьми большой деревянный прилавок, который был, явно, временным, четверо-пятеро крепких и рослых мужчин в данный момент согнулись над открытым огромным деревянным ящиком, а стоящий в стороне мужчина, выглядящий крайне уродливо и свирепо, размахивал плетью, крича:

— Не толпиться, не толпиться! Снова ломаете мой[6] ларёк, то я отхлещу вас! Успокойтесь, сегодня товара много, каждому хватит, цена прежняя — семь монет за штуку! Хотите купить — успокойтесь и соблюдайте правила, тогда получите желаемое, а кто не послушает меня, быстро отправится на дно реки Оман!

Стоило ему гневно проорать, как ожидающие купить желаемое торговцы несколько успокоились, а стоящие впереди, обернувшись, кинули тем, кто находился сзади:

— Что столпились? Чего столпились? Ещё не начали продавать.

Ле-эр спокойно стоял, рассматривая рослых мужчин, находящихся возле сундука, чтобы заняться выгрузкой товара. Вскоре большой деревянный ящик открылся, и мужчины обеими руками стали доставать глиняные скульптурки, коих оказалось множество, и расставлять одну за одной на прилавок.

— Подходите, покупайте-покупайте, подходите по одному и поочередно расплачивайтесь, — громко закричал мужчина с плетью.

А толпа, что окружала со всех сторон, ещё больше заволновалась, непрерывно закричав:

— Мне десять! Десять!

— Двадцать! Дайте мне двадцать штук князя Мина из Силэй!

Большие мешки для сбора товара распахнулись и вытянулись вперёд, несколько десятков рук, держащих деньги, потянулись к прилавку — вероятно, тех, кто наблюдал за людьми, у этого торговца было очень много, раз несколько рослых мужчин тотчас же захлопотали, начав собирать деньги и обменивать их на товар.

Действительно, сплошной жаркий огонь направился в небо[7].

Ле-эр — проворные руки и быстрый глаз[8] — тоже вытащил семь монет:

— Куплю одну штуку.

Стоя впереди, покупать было в разы удобнее, чем отбивать земные поклоны. Деньги, что находились в пальцах, тотчас исчезли, а на их место была всунута глиняная фигурка. Держа её в руках, телохранитель Его Светлости стал внимательно разглядывать этого «князя Мина из Силэй», который был сделан очень точно: основу из глины сверху покрывал тонкий слой мягкой белой пудры цвета настоящей кожи самого Фэн Мина, а лицо было даже чуточку алым; что ещё больше удивляло, так это схожесть. Глиняная фигурка получилась как живая, очень напоминая самого князя Мина.

У фигурки присутствовали даже руки и ноги, сама же вещица была облачена в синее платье, которое подвязывалось белым поясом, как те свободные халаты, что любил обычно носить Фэн Мин. Можно вообразить, что сжимаешь самого князя Мина в своих ладонях.

— Покупайте! Покупайте! Рано или поздно купите, сегодня товара много! Не толпитесь, не напирайте на мой ларёк!

Желающих купить, которые старались как можно скорее это сделать, было слишком много, стоящие позади люди сильно напирали, да так, что большая часть левой стороны ларька покосилась. Однако стоило мужчине забраниться и, подняв плеть, полоснуть по толпе, обступившей с двух сторон, как тотчас же кто-то начал истошно вопить.

— Снова толпой наваливаете на меня! Имея хорошую прибыль от торговли, снова настойчиво хотите вкусить плети?! Ничтожные! — От двух-трёх фраз, брошенных мужчиной, получилось немного сдержать толпу.

Находящиеся рядом рослые помощники, непрерывно и без передышки беря деньги, в пустые мешки ссыпали товар.

— Покупайте, пока не поздно! Князь Мин из Силэй — дёшево, семь монет за штуку, покупайте, хотите потрогать — трогайте, хотите сжать — сожмите, состоятельной семье, молодому господину или молодой госпоже эта фигурка понравится!

— Тридцать штук!

— Сто штук! Сто! Я хочу сто!

На что мужчина с плетью издевательски проговорил:

— Постыдился бы, старый мерзавец, хочешь сто штук? Ладно, дам тебе сто штук! Да Чжу, дай ему сто штук!

На находящегося впереди Ле-эра стали напирать стоящие сзади люди. Но разве телохранителя Его Светлости легко было потеснить?! Ловко «отставив» локоть назад, Ле-эр услышал, как сзади донёлся вопль, наполненный болью и возмущением. Внимательно рассматривая фигурку, вскоре Ле-эр почувствовал что-то неладное и, распахнув лёгкое одеяние на фигурке, увидел, что между ног оказался мужской орган, который к тому же был сделан особенно детально.

Как только прошло оцепенение, пламя гнева тотчас же охватило тело юноши, да так, что даже голова «полюхнула».

Это была не обычная безделушка, а, как оказалось, фамильярная побрякушка, с которой обычно «играли» в уединённых покоях интимного характера[9]!

Ле-эр чуть не взорвался от гнева, затем тихо поднял взгляд и украдкой посмотрел на мужчину, что стоял с плетью в руке, запоминая его внешность, после чего крепко сжал в руках глиняную фигурку и, заскрежетав зубами, развернулся и направился прочь, протискиваясь сквозь толпу.

Желающих купить было слишком много, и это неудивительно, спрос на товар превзошёл все ожидания, и вскоре, не прошло и часа, больше двадцати больших сундуков опустели — торговцы скупили всё дочиста. Купившие с особой осторожностью несли огромные холщовые мешки с «князем Мином из Силэй», восторженно покидая место продажи и готовясь отправиться по всем городкам, дабы перепродать товар, а тем, кто не успел купить, ничего другого не оставалось, как понуро разбрестись по разным углам.

Вскоре толпа, стоящая перед ларьком, постепенно рассыпалась, хлопотавшие до этого в поте лица мужчины, не тратя времени понапрасну, стали считать деньги, в том числе передавая их и мужчине с плетью, пока другие помощники спешно убирали пустые сундуки и выкидывали «бракованный» товар в реку, после чего, громко смеясь, всей толпой отправились пить и веселиться.

Ле-эр, пряча под широкими полями шляпы лицо, увидел, как они направляются кутить, бросил

на чайный столик несколько золотых монет и, поднявшись, тихо последовал за ними.

Преследование тайком являлось его главной работой, а что касалось этих нескольких толстых дурных гадов, то их Ле-эру в большей степени с лихвой хватало, дабы поразмять кости.

Совершенно позабыв отыскать гостиницу, телохранитель Силэй бросил все силы на исполнение более важного дела: незаметно присматривался к людям и слышал, как они называют своего «главного», а именно мужчину с плетью, Сюн-гэ.

Заработав деньги, мужчины отправились предаваться безудержному пьянству и разврату[10]. Добравшись до цзюлоу[11], что находился в центре городка, они вместе выпили, к тому же развлеклись с несколькими женщинами, которых «сняли». Ле-эр также устроился в соседней комнатке, но, услышав их донельзя вульгарные слова, решил, они не стоят внимания, потому окликнул работника этого питейного заведения и, заплатив ему пять монет, спросил:

— По соседству так галдят, кто это такие?

Получив справедливое поощрение, работник ответил с особой внимательностью:

— Те, что в боковой комнатке, это Сюн-гэ вместе со своей шайкой. Ах, на самом деле они являются местным сбродом городка Фэнчэн, обычно они своевольничают, но в подобных заведениях крайне редкие гости. И впрямь странно, недавно на них обрушилось богатство: неизвестно кто им подкинул идею взять и слепить какие-то фигурки князя Мина из Силэй, а потом продавать, но, как оказалось, всем эти поделки понравились, да так, что каждый наперебой хочет приобрести её. Сюн-гэ, конечно же, сразу разжился кое-какими деньгами и теперь каждый день ходит по таким заведениям, да ещё зовёт нескольких распутных девок, чтобы они составили ему компанию, ах...

Ле-эр, услышав про глиняные скульптурки князя Мина, тотчас же помрачнел настолько, что вены выступили сквозь кожу, но сам юноша блёкло бросил, смеясь:

— Никак не думал, что подобные безделушки, оказывается, наперебой станут покупать. — Если позволить государю обо всём узнать, то наверняка «заглотить живьём» всех покупателей не получится. Потому не трудно заметить, что никто в мире не страшится смерти.

В те далёкие времена, когда Ле-эр ещё тайно шпионил за всем двором Юнъинь, наипервейшей по важности задачей для него было не выдавать себя ни звуком, ни видом[12], сейчас данная способность была настолько отточена, что достигла совершенства, потому на лице даже тени злости, что охватывала душу, не промелькнуло, а работник питейного заведения, ничего не заметив, ликующе обратился к нему:

— Конечно, наперебой скупают. Некоторым людям подобное нравится, купив эту безделицу, идут домой и прячут от людских глаз. Торговцы скупают, а потом крайне успешно перепродают по всем городкам. Поначалу только здешние торговцы приходили покупать, а

сейчас всё больше разных приезжих можно здесь встретить. После того, как управляющий пристанью Фэнчэн чиновник Тайцань исчез, теперь только благодаря князю Мину пристань хоть как-то оживилась, я слышал, что, купив здесь за семь монет одну эту фигурку, в будущем можно продать её за тысячу двести монет. Ах, всё же молодые господа столичной знати и знатные девушки при деньгах! Во всяком случае Сюн-гэ и его шайка занимаются как раз неплохим делом.

Говоря с воодушевлением, работник, помогая Ле-эру налить вина, наклонился и приглушённо добавил:

— Вам не стоит давать эту игрушку детям, с ней могут играть только взрослые. Снял одежду, и открывается самое прекрасное, ах. Как по-вашему, тело настоящего князя Мина такое же красивое?

От услышанного в душе поднялось пламя гнева, а сам Ле-эр кулаком едва не превратил лицо этого тупицы в месиво, однако, подумав, что ему в Фэнчэн совершенно нельзя разоблачать себя, телохранитель Силэй, стиснув зубы и деланно улыбаясь, процедил:

— Послушав тебя, даже мне нестерпимо захотелось купить одну из этих фигурок.

— Тогда Вам нужно дождаться завтра, — работник льстиво засмеялся, — каждодневный товар как только появляется, сразу распродается.

— Завтра утром прибудет моя лодка. — Ле-эр снова бросил ему десять монет. — Я думаю, что этот Сюн-гэ не мог не оставить себе немного, у него дома, должно быть, ещё есть. Я готов выложить круглую сумму, чтобы приобрести эту вещицу. Ты знаешь, где его дом?

Получив очередное вознаграждение, мужчина ещё больше разлюбезничался и, безостановочно кивая, выдал:

— Знаю, знаю! Каждый в этом городке знает, где живёт Сюн-гэ. — И сразу же назвал адрес, даже сказал, как пройти до него от цзюлоу, расписал, какой тропинкой будет лучше всего идти, как узнать дом Сюн-гэ, в общем, всё добросовестно поведал Ле-эру.

Сам же телохранитель Силэй указал на нетронутые закуски, что стояли на столе, и проговорил:

— Я поначалу ждал приятеля, но его ещё нет. Пойду спущусь и погляжу, закуски пусть пока стоят здесь, не следует их убирать.

Спустившись, телохранитель Силэй подумал: «С делом этого бродяги Сюн-гэ нельзя ошибиться, даже если в его полупустой башке и найдётся несколько дурных идей, то опять же откуда он мог узнать, как выглядит князь Мин и как Его Светлость любит одеваться? Хотя

глиняная фигурка и маленькая, но выполнена очень искусно, как живая, изгибы тела утончённые и соблазнительные. Мастерской, где изготовили эту фигурку, наверняка управляет очень талантливый ремесленник. Такие вещи продавать всего лишь за семь монет разве не считается убыточным делом? Кто может не покуситься на расходах, чтобы нанести такое непростительное оскорбление князю Мину? Если эта безделушка разойдётся по всей Поднебесной, то непременно может навредить репутации как князя Мина, так и Силэй, да и окажет дурное влияние на грядущее важное дело Его Величества».

Чем больше Ле-эр думал об этом, тем недовольнее становился. Более того, ему нужно было спешить в Тун, где он присоединится к князю Мину, но данное дело нельзя оставлять без внимания, вот только безрассудным поступком можно себя выдать, а если так произойдёт, в Фэнчэн никто даже руки не подаст, поэтому ни в коем случае не следует поступать необдуманно.

Ле-эр, размышляя на ходу, исполнял всё в точности так, как сказал ему работник цзюлоу: петлял по разным малолюдным переулочкам и вскоре увидел дом, вокруг которого размещалось множество больших камней. Как и было сказано, дом Сюн-гэ в сравнении с обычными соседствующими домиками выглядел достаточно высоким, возможно, этот Сюн-гэ обидел много кого и, боясь, что враг заявится мстить, специально возвёл столь высокие стены.

Опасаясь, что внутри может оказаться засада, Ле-эр несколько минут наблюдал из-за угла за наружной частью двора, откуда вскоре вышли две женщины, и он догадался, что это не супруги Сюн-гэ, а служанки хозяйского дома. После этого юноша вновь обошёл дом, в целом, жилище выглядело обычным, как все дома в Юньинь, даже сзади оказалась маленькая боковая дверь. Ле-эр, подумав, не стал входить через боковую дверь, наоборот, вскарабкался по стене и, перепрыгнув, оказался в заднем дворе, где осторожно подкрался к подоконнику и заглянул в окно.

В доме, кроме одного старика, оказались женщины и дети, в общей сложности семь человек, восьмой же находился поодаль семьи, казалось, что никто из них не изучал боевого искусства.

Скрывая следы своего пребывания, телохранитель Силэй прислушался к звукам, исходящим из дома, и всё, что ему удалось узнать — обычная, даже слишком обычная малозначительная болтовня о кастрюлях, сковородках и подобной мелочи.

Прослужив много лет шпионом и имея крайне чувствительный к опасностям нос, Ле-эр, если бы почувствовал хоть что-то неладное среди этих людей, тотчас же всё бы понял, однако сейчас он был убеждён, что, по крайней мере, в доме нет засады, а все находившиеся внутри люди действительно являлись членами семьи Сюн-гэ, а не подставными фигурами.

Боясь, что недостаточно дотошно отнёсся к наблюдению, Ле-эр несколько раз обошёл вокруг дома, обследуя всё вокруг. Он обладал гибким телом и действовал настолько проворно, что никто из домочадцев даже не почувствовал крайне придирчивый взгляд. Если уж на то пошло, о происхождении этих злосчастных глиняных фигурках стоило выпытывать у Сюн-гэ и его подчинённых.

После сделанного Ле-эр вновь вернулся в цзюлоу, где «соседи», не ведающие, насколько близки к беде[13], продолжали кутить напропалую, без устали веселясь, кричали, чтобы убрали певичек, давая позволение им, «торговцам», спеть.

Однако Ле-эр не торопился и понимал, что после веселья они в конце концов разбредутся по домам, а Сюн-гэ выпил сегодня очень много вина и «кувыркается» с певичками-проститутками. Естественно, пьянство приводит к наплевательскому отношению к собственной безопасности, а веселье делает волю хрупкой, для собравшегося пытать его Ле-эра два этих аспекта считались благоприятными условиями.

Внимательно слушая, что говорят в соседней комнатке, телохранитель Силэй налил вина и выпил, когда день начал клониться к ночи, за стенкой донёлся пьяный крик:

— Следует возвращаться домой...

— Зачем возвращаться к семье? Здесь и вино, и красавицы, а это намного лучше, чем семья.

— Ты что, боишься, если поздно явишься, то жена убьёт? — и все неприятно загоготали.

И тут Ле-эр услышал голос Сюн-гэ:

— Хорошо, но я напился вина, девушками натешился вволю! Помогли мне продать несколько «князей Минов из Силэй», выручили много денег, к тому же хорошо выпили и славно поели, так ещё хотите, чтобы я позволил вам кутить тут до завтра? Сборище жадных и пожинаящих брю мелких сволочей! Всё, дайте мне уйти восвояси! Приятель, счёт!

Как только стихло последнее слово, на пороге возник мужчина, кидая: «Слушаюсь!». В соседней комнате воцарилась тишина, в которой смутно доносились голоса певичек, благодарящих за награду; вся шайка, вероятно, напилась в хлам, и, когда люди начали вставать на нетвёрдые ноги, заскрежетали отодвигающиеся табуреты и задрожал стол, а стоящая на столе посуда забрякала не переставая.

Ле-эр медленно поставил чашечку и растянул слегка тонкие губы в холодно-безжалостной ухмылке. Юноша поднялся и уже хотел было уйти, как ноги внезапно подкосились, он вот-вот бы упал.

Ле-эр изумился и, вытянув руки, опёрся на стену, намереваясь с её помощью поддержать тело, но, вопреки задуманному, руки хоть и коснулись стены, но предплечья словно парализовало, даже сил нисколько не осталось, словно две конечности, набитые ватой, цеплялись за стену.

Вся сила покинула тело, а юноша вынужден был смотреть как заваливается на бок, падая, он «удачно» ударился низом живота об угол стола, от боли зарябило в глазах, и парализованное тело с грохотом и стоном рухнуло на пол.

Плохи дела!

Упав, Ле-эр почувствовал, что всё тело — с головы до ног — потеряло чувствительность, с одной стороны он испугался такому развитию событий, а с другой — в разум закрались сомнения.

«Неужели этот Сюн-гэ оказался мастером, скрывающим свои умения? Так почему же он, вместе со своей местной шайкой, только и делает, что наживает врага в лице людей князя Мина?»

Ле-эр, мучительно размышляя, неоднократно пытался всеми силами перевернуть тело, сейчас, распластавшись лицом вверх, было затруднительно применять силу, а если можно было перевернуться, то не исключена возможность не спеша подняться с помощью мебели. Самое страшное, несмотря на все старания, юноша даже повернуться был не в состоянии, и чем больше напрягал силы, тем слабее становилось тело, и в конечном итоге даже движения запястьями стало даваться с трудом, словно Ле-эр пытался сдвинуть горы.

Это, в конце концов, что за яд такой ужасающий?

Шум за стеной постепенно затих, и, смутно слыша благодарственные речи работника, которые последний проронил пьянчугам, стало ясно, что все покинули соседнюю комнату. Ле-эр предположил, что Сюн-гэ может в скором времени вернуться, и тогда он с самодовольным видом допросит «торговца»; пока юноша размышлял, снаружи неожиданно донеслись шорохи: толпа пьяниц прошла мимо боковой двери, но не остановилась, словно не подозревая о существовании Ле-эра; тяжёлой поступью люди двигались по заведению, и чем дальше, тем тише становился звук шагов, пока вовсе не затих.

Яд подсыпали не они? Допустим, даже если так, ситуацию это никак не улучшало. Сейчас не в состоянии пошевелиться, Ле-эр вспомнил наставления Юн И, сказанные перед отъездом:

— Не стоит озорничать, доставлять хлопоты и самое главное — совать нос куда не следует. — В итоге сейчас он, телохранитель Силэй, превратился в кучу грязи, лежащей поперёк боковой комнаты питейного заведения, и невольно горько улыбнулся, при этом укоряя себя за огромную глупость.

Постоянная забота о безопасности князя Мина в конце концов привела его, Ле-эра, непонятно куда, да и обычно вещи, к которым мог прикоснуться князь Мин, первым делом проверялись на яды. А сам телохранитель, который недавно отправился разведать жилище Сюн-гэ, а по возвращении был полностью охвачен слезкой за доносящимися звуками в соседней комнатке, никоим образом не подумал, что, возможно, кто-то провернёт трюк со стоящей перед ним закуской и выпивкой, подсыпав в них какое-нибудь снадобье или яд.

При подобных мыслях сердце оборвалось, а нечто зловещее раздалось глубоко в душе. Неизвестно, кто прибег к данному методу, однако этот кто-то мог умело воспользоваться любой обстановкой и, обладая огромным мастерством, мог также воспользоваться изъяном в чужой

психике, такого человека и впрямь не стоило недооценивать.

Раздался шорох... Одно лёгкое движение — и дверная занавеска внезапно поднялась, заставляя все нервные окончания напрячься до предела.

Лёжа на спине, Ле-эр мог всё прекрасно видеть и, искоса посмотрев, откуда доносится звук, совершенно ясно увидел вошедшего, коим оказался работник цзюлоу, который до этого не раз льстил ему взамен на деньги, вот только сейчас лицо этого человека больше не выглядело подхалимным, а глаза, наоборот, приобрели злобный и серьёзный вид.

Пройдя в комнату, мужчина мазнул взглядом по лежащему на полу Ле-эру и, несколько не удившись находящейся перед ним жирной овце[14], развернулся, по-прежнему придерживая одной рукой шторку, и с необычайным почтением в голосе прошептал:

— Это именно тот, кто интересовался людьми Сюн-гэ, к сожалению, это не молодой господин рода Сяо князь Мин из Силэй, но раз уж он допытывался о глиняных фигурках князя Мина, то, должно быть, является одним из его людей.

Вслед за его внимательным разъяснением ещё один стройный и изящный силуэт, последовав словно тень, вошёл в комнату. Он был облачён в простой длинный халат, на плечи наброшен тёмный плащ, которые привлекли носить люди Юньинь, сам же мужчина обладал неопишуемой раскованностью, красотой и незаурядностью, а на губах играла блёклая улыбка.

Он беззаботно вошёл и, разглядев лежащего на полу Ле-эра, кажется, слегка изумился, вот только это длилось недолго, многозначительно улыбнувшись, мужчина обнажил белые зубы:

— Хоть это и не князь Мин, но в сравнении с князем он мне нравится куда больше. — И обратился к работнику цзюлоу, расхваливая: — Ты очень хорошо постарался.

Работник поначалу переживал, больше всего боясь, что не выполнил задание, однако, неожиданно услышав похвалу, тотчас же успокоился. Увидев, как хозяин медленно направился к пленному, мужчина тотчас же сделал два поспешных шага вперёд, намереваясь поднять Ле-эра на ноги. Но хозяин его остановил.

— Не нужно трогать его, я сам всё сделаю. — Вытянув пару безупречных и ухоженных рук, мужчина мягко поднял обессиленного Ле-эра с земли и голосом, полным нежной заботы, мелодично начал: — Я создал такую ситуацию, так как на самом деле хотел посмотреть, соблазнится ли проезжающий мимо князь Мин, но никак не думал, что в сеть попадётся именно ты. Как ты здесь оказался? Да, кстати, ты спешил с кем-то встретиться, потому приехал к главной пристани Фэнчэн, чтобы потом пересечь на корабль, верно? Фу Цюй[15]?

Он говорил так ласково, так нежно, улыбаясь с чрезмерной любовью, что любой почувствовал бы омовение весенним ветром[16].

Однако находящийся в его объятиях парализованный Ле-эр испугался чуть ли не до смерти.

— Почему не хочешь говорить? — раздался голос над головой, в нём слышалось нетерпение, но, спустя мгновение, словно внезапно прозрев, мужчина прошептал: — Я понял, ты сейчас не Фу Цюй, и мне следует называть тебя Ле-эр, верно? Или... последовал за своей опорой, Юн И, поэтому охладел ко мне[17]?

Говоря это, мужчина указательным пальцем легонько поднял подбородок Ле-эра, позволяя юноше отвернуться от него. Сам же телохранитель Силэй множество раз просил Небеса[18] не сводить его с этим человеком, бессилие в теле не позволяло применить даже шелковинку силы и лишь усугубляло ситуацию.

Поначалу телохранитель Силэй зажмурился, но сейчас внезапно распахнул глаза и, пристально глядя на утончённое и милое лицо, что нависло над его головой, с дрожью прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Юй Лан, если хватает смелости, тогда немедленно убей меня.

Подобный надрывный вызов потревожил слух новоявленного гостя. Вот только голос звучал тихо, бессильно.

Глаза Юй Лана наполнились нежностью, а сам мужчина со вздохом проговорил:

— Как я могу убить тебя?! — мужчина, заполучив желаемое, ещё крепче стиснул лежащего в его объятиях Ле-эра.

Не имея возможности даже на малейшее сопротивление, юноша позволил ему обнять себя. Лёжа лицом кверху, телохранитель перевёл взгляд на потолок, простирающийся над головой, и непрерывно блуждал по нему, однако в этот момент страх и тревога охватили душу:

— Ты... ты хочешь меня куда-то увезти?

Юй Лан, слушая его слабый голос, который сейчас был подобен шёпоту, но сплошь пропитан страхом, улыбнулся и, опустив голову, посмотрел на Ле-эра, дружелюбно отвечая:

— Конечно, я заберу тебя и отвезу к себе домой, в твоём нынешнем положении и отпустить не получится, ведь ты даже ползти не в состоянии.

Ле-эру, который сейчас напоминал лежащее на кухонной доске мясо[19], хотелось больше жизни умереть, но, увы, этому не суждено было сбыться[20]. Будь у него хоть немного сил, он непременно, высвободившись из объятий, вскочил и немедленно пронзил бы мечом этого мужчину.

Как получилось, что собственная заносчивость привела к такому развитию событий? Выходит, везде раскинуты прочные сети, приведшие в западню, при этом разглядеть пагубный план совсем нельзя. Кроме этого мужчины с милой внешностью и безжалостно-опасным сердцем, разве кто-то ещё способен на подобное коварство?

Путь от Фэнчэн тянется до Тун, если следовать по главному маршруту князя Мина, то спешащие настигнуть его люди, скорей всего, останутся здесь на день или на два. Юй Лан, должно быть, наугад выбрал местную шпану и теперь каждодневно одаривает их глиняными фигурками «князя Мина», не исключено, что единственное условие — после ежедневной торговли ходить сюда пить и кутить.

Сюн-гэ и его люди, как и их семьи в целом, совершенно не понимая всей подоплёки продаваемого товара, стали наилучшими театральными действующими лицами, а поскольку они и впрямь не знают, насколько коварный план скрывается за этой торговлей, то и всеобщий обман выходит легче. Как только люди князя Мина, которые во что бы то ни стало захотят разобраться в этом деле, да к тому же выведать происхождение товара, обязательно станут действовать, отталкиваясь от банды Сюн-гэ, то проследят за ним до винной, а где уютнее наблюдать за ними, как не из соседней комнатке? Независимо от того, насколько шпион осмотрителен, большая часть его внимания сосредоточится на банде, но кто бы мог подумать, что настоящая опасность будет таиться в этой неприглядной на вид комнатке?

— Не бойся. К чему меня бояться? — голос Юй Лана проник в ухо, любовно продолжая: — Смотри, не прошло и мгновения, а ты вновь покрылся холодным потом.

Он был прав, холодный пот выступил на теле Ле-эра, а сам юноша закрыл глаза, больше не проронив и слова.

Послышался медленно приближающийся топот копыт, который затих перед дверью. Ле-эр чувствовал, как его, подняв, несут, а потом тихо вносят в повозку. Занавеска опустилась, заслоня лунный свет и гомон, доносящийся с улиц, словно нежные руки духов швырнули навечно в царство мёртвых.

Примечания:

[1] Гун — мера длины в 5 чи (寸), а чи — это китайский фут (мера длины, равная 1/3 метра), в древности же гун был в 6 или 8 чи. То есть толпа растянулась примерно на 1,5 метра.

[2] Русский аналог «и ежу понятно».

[3] Имеется в виду 餛飩 (niùtǐ gāo) — номи гао — печенье (пирожное) из клейкого риса, приготовленное на пару.

[4] В оригинале употребляется слово 買空 (mǎikōng) — майкун — «быки», так называют покупателей ценных бумаг или иных финансовых инструментов, товаров, которые надеются продать их по более высокой цене через некоторое время.

[5] Навалочный груз — это товарный груз, который перевозится неупакованным в больших количествах.

[6] 老子(lǎozǐ) — Лао-цзы — я (гневно или шутливо о себе).

[7] Обр. в знач.: быть в самом разгаре, иметь широкий размах.

[8] Обр. в знач.: быстрый, расторопный, проворный.

[9] Проще сказать, секс-игрушка.

[10] В оригинале фраза звучит как «красотки — небо, вино — земля», образно о развратном образе жизни; предаваться безудержному разгулу и пьянству.

[11] Кабачок; трактир.

[12] Образно: оставаться незамеченным, ничем не выдавать себя.

[13] В оригинале фраза звучит как «роковая (губительная) звезда», обр. в знач.: причина несчастий, бед.

[14] 肥羊(féi yáng) — фэй ян — жирная овца. Обычно так называют людей, от которых можно получить огромную выгоду. Альтернатива: курица, несущая золотые яйца.

[15] Этим именем Ле-эр назывался, служа императору Юньинь, даже в 29-ой главе Ся Гуань называет Ле-эра Фу-эр. Само же имя 浮沓(fúqū) — Фу Цюй — означает «цветущий лотос».

[16] Образно: подобный глотку свежего воздуха, доставляющий истинное наслаждение.

[17] В оригинале фраза звучит как 变心(biànxīn) — бьяньсинь — изменять своему чувству (своей привязанности); менять свои взгляды (планы).

[18] В оригинале фраза звучит как 千不万不(qiān bù wàn bù) — цянь буюань вань буюань — множество раз не хотел, в тысячу раз не хотел; аналог: не приведи Господи, не дай Бог.

[19] Обр.: позволять другим распоряжаться своей судьбой, отдавать себя на растерзание.

[20] В оригинале фраза звучит как «хочется жить, но не выжить, хочется умереть - тоже никак», обр. в знач.: находиться в очень мучительном положении.

<http://bllate.org/book/13377/1190233>